

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ОХЛОПКОВЫМ

В нынешнем году исполняется семьдесят пять лет со дня рождения выдающегося деятеля советского театра, народного артиста СССР Николая Охлопкова. К этому юбилею в издательстве Всероссийского театрального общества выходит сборник, включивший в себя теоретические работы Н. Охлопкова, воспоминания о нем известных деятелей искусства, статьи о его

работах в театре и многие другие материалы, связанные с жизнью и творчеством этого замечательного актера и режиссера (составители — Е. И. Зотова и Т. А. Лукина, редактор — С. К. Никулин).

Предлагаем вниманию читателей отрывок из воспоминаний о Н. Охлопкове народного артиста СССР Евгения Симонова.

1.

В далеком детстве я пережил период влюбленности в Охлопкова. Появились «Аристократы» Николая Погодина. В Реалистическом театре спектакль ставил Охлопков, роль Кости-капитана исполнял Петр Аржанов; у вахтанговцев над этой пьесой в качестве режиссера работал Борис Захава, а Кости-капитана играл мой отец Рубен Симонов.

Естественно, что все мои симпатии и были на стороне папы. Во дворе со своими товарищами — сыновьями вахтанговцев первого призыва мы, конечно, высокомерно сулили Охлопкову поражение. Мы были фанатически преданы Театру Вахтангова, не пропускали ни одного утренника «Принцессы Турандот» или «Интервенции» и иронизировали над другими театрами.

Сын Щукина Егор считался у нас особенно авторитетным судьей во всех театральных делах, и, по его мнению, Охлопкову вообще не следовало браться за постановку «Аристократов». Спешу оговориться, что наши отцы не разделяли этого детского нигилизма и считали, что выиграть бой у Николая Павловича совсем не так просто, а наши матери — Татьяна Митрофановна Щукина-Шухмина и Елена Михайловна Семенова-Берсенева — шли в своих предсказаниях еще дальше и с жаром говорили, что Борису Евгеньевичу Захаве не удастся победить Охлопкова, и скорее нам, вахтанговцам, следует отказаться от постановки погодинской пьесы.

Случилось так, что я смотрел оба спектакля в течение недели, буквально один за другим. Отец в роли Кости-капитана просто ошеломил меня, и дома за обедом я глядел на него с нескрываемым восторгом, видя в чертах его

4.

но быстро открыл нам дверь. Он явно ждал нас. Мы молча прошли в столовую, торжественно сели за стол, еще немного помолчали, пока, наконец, не последовал взволнованный вопрос: «Ну как?». И тут полился подробный и восторженный рассказ матери. Вглядываясь в лицо отца, я никак не мог понять, как же он относится ко всему тому, что слышит. Иногда мне казалось, что он сердится на свою жену и даже ревнует ее к Аржанову!..

Когда рассказ был закончен, наступила большая пауза. Мама посмотрела на меня и хитро подмигнула, дескать, не смей вставлять свои реплики, пусть выскажется отец. Но он молчал.

— Ну, что ж, — задумчиво произнес Рубен Николаевич. — Любопытно. Пойду во двор, погуляю. Вернусь не поздно. Спокойной ночи.

Буквально через несколько секунд громко хлопнула входная дверь, и мы с матерью, не договариваясь, быстро ринулись на балкон, чтобы хоть по походке «главы дома» понять, как он отреагировал на успех Охлопкова. Великое же было наше удивление, когда отец во дворе не появился.

— Неужели он стоит на лестничной клетке и переживает? — спросил я.

— Нет, — ответила Елена Михайловна.

— А где же он?

— У Щукина! — категорически сказала моя мать, причем интонация была настолько твердой и определенной, что исключала все прочие варианты.

Борис Васильевич жил под нами, в квартире № 11, на первом этаже, и когда в Театре Вахтангова происходили события чрезвычайной важности, мой отец всегда спускался к Щукину. Зво-

2.

лица некто напоминавшее мне живо го Костю-капитана. Только у того волосы патлами падали на лоб и доходили почти до глаз, образуя челку, а отец всегда тщательно зачесывался назад, открывая красивый лоб; Костя-капитан заикался, а отец говорил быстро и без запинки. Влюбившись в образ, созданный Рубеном Симоновым, я шел смотреть Аржанова с чисто формальными целями: хотел собственными глазами убедиться, насколько Театр Вахтангова сильнее Реалистического, насколько Захава лучше Охлопкова и насколько Симонов талантливее Аржанова...

Помню, что, придя со своей матерью в зал Реалистического театра и добравшись до середины первых рядов партера, я чувствовал отчаянную неловкость. И сколько бы потом я ни смотрел спектакли Николая Павловича, это чувство детской неловкости при первом посещении его театра всегда мгновенно возрождалось во мне. Так было и на «Гамлете», и на «Молодой гвардии», и на «Сыновьях трех рек», и на «Иркутской истории», и на последнем его спектакле «Нас где-то ждут» Алексея Арбузова — пьесе, которую мы, как и «Иркутскую историю», ставили почти одновременно: Охлопков у себя, а я на сцене Малого театра.

Когда в зрелом возрасте вспоминаешь свои детские впечатления от театра, то в памяти возникает не сюжет некогда виденной пьесы, а образ спектакля в целом, и прежде всего наиболее ярко решенные режиссером или сыгранные актером сцены... И вот сейчас, когда я пишу эти строки жарким летним днем в Доме творчества «Руза», передо мной, как из тумана, выплывает сцена снегопада из охлопков-

5.

нил в звонок, долго не отнимая руки от кнопки, как бы намекая, что это звонит Рубен Симонов и что дело не терпит отлагательства!

Я смотрел на мать, молчаливо ожидая, что она раскроет мне нечто чрезвычайно существенное и важное, некую государственную тайну, которую мой отец, согласно этике, не имеет права открыть, но о существовании которой она, как умная женщина, догадалась сама, сопоставив все факты и сделав логический вывод.

— Они, — сказала Елена Михайловна (они — это Щукин и Симонов), — они, — повторила моя мать, причем глаза ее загорелись радостью и восторгом, — хотят пригласить Николая Павловича на постановку в вахтанговский театр.

— Как ты догадалась?

— Очень просто, — сказала мама. — Щукин дважды смотрел «Аристократов». Он аккуратно ходит на все спектакли Охлопкова. Отец твой тоже смотрел все, кроме «Аристократов», боясь, что рисунок Аржанова помешает ему в работе над ролью Кости-капитана. О! Надо знать Бориса и Рубена. Помяни мое слово — Охлопков в ближайшее время будет приглашен к нам на ужин.

Так оно и случилось.

Да! Отцы оказались в сто тысяч раз умнее и дальновиднее своих детей. В то время, как мы с Егором Щукиным категорически отрицали все существующие в Москве театры, кроме Театра Вахтангова и Театра Мейерхольда, отцы наши внимательнейшим образом приглядывались к восходящей звезде — к творчеству Николая Охлопкова.

Им казалось, что именно Охлопков может внести в вахтанговский театр

3.

ских «Аристократов». Может быть, в спектакле все было и не так, как мне это представляется сейчас, но это, право, не существенно! Важно, что образное решение сцены было столь ярким, что она до сих пор живет в моей памяти, пусть даже в преображенном состоянии.

Теперь я знаю, что зрители всегда аплодируют, увидев в спектакле настоящий снег. Так, например, происходит, когда в опере «Пиковая дама» открывается панорама Канавки. Лиза стоит на горбатом мостике, спрятав руки в муфту, и, поглядывая на дирижера, взволнованно выводит свое знаменитое «Уж полночь близится, а Германа все нет...». Аплодисменты на снег неизбежны, но это относительный успех. Таких примеров можно привести великое множество.

Но ничего подобного не было в спектакле «Аристократы». Молодые актеры и актрисы, одетые в синие комбинезоны, плавно двигались по сцене и разбрасывали белое конфетти. Они доставали его из широких «почтальонских» сумок и высоко подбрасывали вверх. Маленькие белые кружочки под звуки вальса кружились в воздухе и медленно опускались на землю, а актриса с бамбуковыми палками в руках, в лыжном костюме и вязаной шапке с помпоном тонко имитировала движения лыжников и вся «занесенная снегом» скользила по площадке. Поэтически образное мышление, о существовании которого я прежде не подозревал, совершило перевод в моем детском сознании, заставило не спать ночь и, может быть, впервые задуматься над тем, что такое истинная театральность!..

Когда вечером мы с матерью вернулись со спектакля, отец неожидан-

6.

свежесть восприятия жизни, страстный темперамент, смелость в решении современных театральных проблем, оригинальность формы и неукротимый революционный дух! Они не ревновали, они не завидовали, они не интриговали, они думали о будущем своего театра и сумели разглядеть в Охлопкове потенциального вахтанговца!..

За два года до войны драматург Владимир Александрович Соловьев принял заказ Театра Вахтангова и начал работу над патриотической пьесой в стихах во славу русского оружия «Фельд-маршал Кутузов». Роль Кутузова предназначалась Борису Щукину, роль Наполеона — Рубену Симонову. Постановка была поручена Николаю Охлопкову, принявшему предложение вахтанговцев и перешедшему в наш театр в качестве режиссера-постановщика.

Мы — дети вахтанговцев — ликовали и танцевали какие-то дикие танцы, отмечая важнейшее событие в биографии вахтанговцев: Охлопков — у нас!!!

Во время Великой Отечественной войны Театр Вахтангова был эвакуирован в Омск. Два года прожили мы вместе с Охлопковым в доме под номером 1 на площади Дзержинского. Мои родители сохранили, с точки зрения педагогики, поступок — они на время разрешили мне не ходить в общеобразовательную и музыкальную школы, а категорически воспрещали, чтобы я присутствовал на всех — и утренних, и вечерних — репетициях Охлопкова, начавшего работу над героической комедией Ростана «Сирано де Бержерак».

Но это, как говорит один из героев Арбузова, уже другая история, другой рассказ...